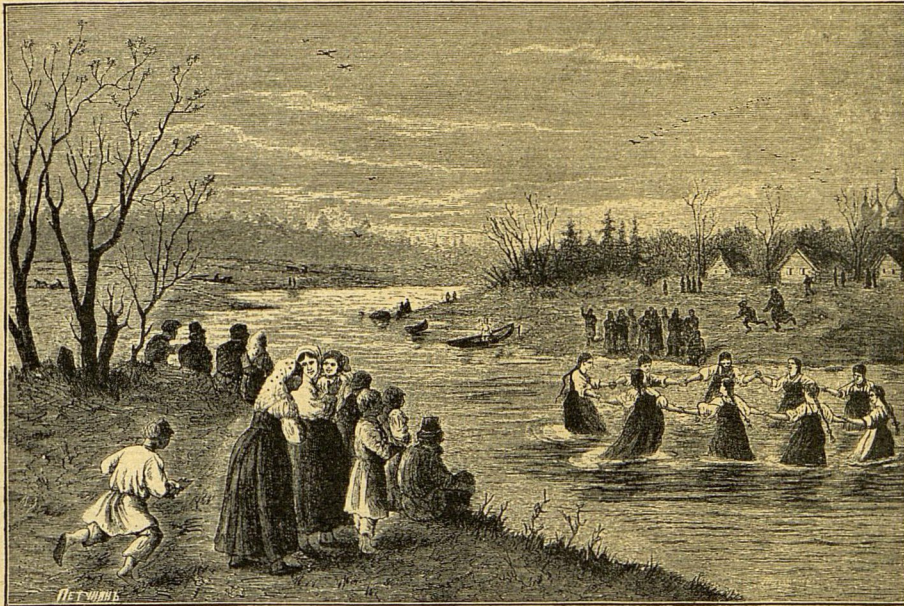

Свѣтлячокъ

1903 г. • годъ II. • № 10.

Троицынъ день.

(Пятидесятница).

Это любимый весенній праздникъ въ деревнѣ. Ахъ, какъ я любилъ всегда Троицынъ день! Проснешься въ этотъ день рано утромъ,—въ хорошую погоду, чудо что такое!.. Надъ кроватю, въ углахъ комнатъ—молодые, душистые березки... Весна, значить, наступила... и хочется выскочить и бѣжать,

бѣжать скорѣе куда-нибудь на волю... Громкій благовѣстъ съ колокольной врывается въ открытое окно...

— Вставай, къ обѣднѣ пора! Нынче праздникъ-то какой—Троицынъ день,—пятидесятница!..—ворчитъ няня Петровна...

Въ церковь мы идемъ съ букетами цвѣтовъ въ рукахъ... И всѣ богомольцы идутъ тоже съ цвѣтами, съ вѣтками... А вся церковь уставлена березками, вся убрана зеленью, изъ-за которой ярче блестятъ оклады иконъ. Полъ устланъ душистой, свѣже-накошенной травой... У богомольцевъ лица радостныя, возбужденныя... Весна, весна пришла красная,—ясно читаешь у всѣхъ во взорахъ...

Потомъ, къ намъ въ домъ являются съ деревни парни, дѣвушки съ молоденькой березкой, увѣшанной вѣнками, лентами...

Начинаютъ пѣть пѣсни, весну выкликать:

Весна, весна красная,
Приди, весна, съ радостью,
Приди, красная, съ благостью!..

Березку несутъ на площадку передъ избами, втыкаютъ въ землю—и начинаютъ водить хороводы вокругъ нея, устраиваютъ игры, поютъ пѣсни...

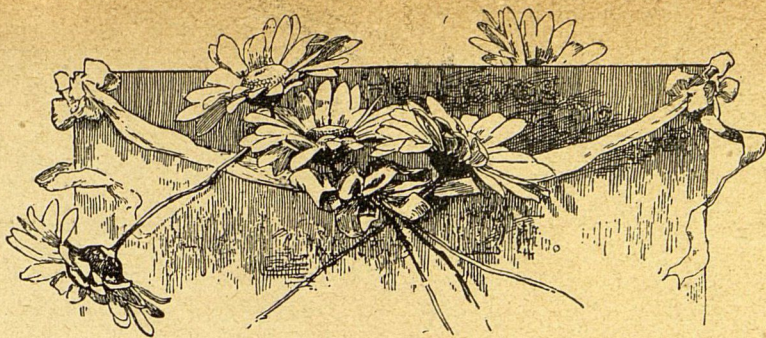
Весело всѣмъ страшно,—всѣ радуются теплу, свѣту; рады тому, что послѣ скучной зимы можно разгуляться на волѣ.

Въ нашу мелкую рѣчку сходятъ дѣвушки и тоже начинаютъ водить хороводъ... Кое-кто гадаетъ,—сплететъ вѣнокъ и броситъ на воду: поплыветъ вѣнокъ,—значитъ, и счастье будетъ; потонетъ вѣнокъ,—бѣда случится, болѣзнь придетъ...

До захода солнца не умолкаютъ пѣсни... И до вечера хорошо на дворѣ,—не ушелъ бы, кажется, домой... Воздухъ чудный; грачи кричатъ, въ поднебесьи журавли курлыкаютъ, воробьи стрекочутъ по застрѣхамъ избъ и сараевъ...

Здравствуй, весна! Здравствуй, раздольная!.. Пора и на полосу съ сохой, съ бороной выѣзжать, землю пахать... Пошли, Господи, урожай родимой землѣ на радость пахарямъ и всему міру крещеному.

Какъ началъ учиться царевичъ Петръ *).

III.

Утромъ на другой день на половинѣ у царицы самъ патріархъ, въ присутствіи царя Θεодора, совершилъ молебствіе передъ ученіемъ, окропилъ царевича Петра святою водою, благословилъ его и за руку подвелъ къ Зотову.

— Тебѣ, старче, благовѣрная царица вручаетъ чадо свое единородное, да преподашь ему, съ Божьяго благословенія, въ чемъ самъ умудренъ, на благо его, царевича, всего царскаго дома и народа.

Зотовъ осторожно усадилъ бойкаго мальчика за столъ и поклонился ему въ ноги.

— Во имя Отца и Сына, и Святого Духа!— важно и торжественно проговорилъ онъ, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

*) Окончаніе.—См. „Свѣтличокъ“ № 9.

Царевичъ во всѣ глаза глядѣлъ на него и дѣлалъ за нимъ то же самое.

Ученіе въ старое время было трудное. Азбуку учили вотъ какъ: — азъ — а, буки — б, вѣди—в, глаголь—г; а потомъ склады учили: буки азъ-ба, вѣди азъ-ва,—да такъ всѣ слоги наизусть и заучивали.

Царевичъ жадно набросился на ученія. Онъ глазъ не сводилъ съ указки Зотова, а когда тотъ говорилъ что-нибудь,—онъ смотрѣлъ ему прямо въ ротъ.

За время перваго урока усталъ больше ученика самъ учитель. Его стѣсняло присутствіе всѣхъ въ комнатѣ. Поминутно вынималъ онъ простой, клѣтчатый платокъ и отиралъ градомъ лившій съ него отъ волненія потъ.

Подошла государыня, погладила царевича по головѣ, запрокинула ему голову. — Не усталъ ли?—спрашиваетъ.

А царевичъ улыбается весь, и глазенки его, черные, какъ угли, горятъ-улыбаются, и губы улыбаются, лукаво и ласково. Ему и жаль стараго учителя, что онъ такъ волнуется, и смѣшно на него, что онъ безпрестанно утирается платкомъ.

Поняла это царица, сжалилась надъ бѣд-

нымъ учителемъ и велѣла кончать ученье на первый разъ.

Зотова отпустили съ честью и наградили его щедро. Государь пожаловалъ ему дворъ, на вѣчное жительство, государыня—двѣ пары платья и весь уборъ, а патріархъ—сто рублей деньгами, что въ то время составляло большія деньги.

Зотовъ себя не помнилъ отъ такого неожиданно свалившагося на него счастья.

IV.

Мало-по-малу изо дня въ день учился царевичъ; прошелъ склады, сталъ разбирать церковныя книги: часословъ да псалтирь, а потомъ и наизусть ихъ выучилъ. Послѣ того началъ Зотовъ письму его учить, и тутъ маяты приняли они оба не мало.

Когда все это одолѣли, Зотовъ съ горечью сознался царицѣ,—что бѣльшимъ его Богъ ничѣмъ не умудрилъ, и ничему другому онъ выучить царевича не можетъ.

Задумалась государыня. Жаль ей стало отпускать отъ царевича этого человѣка. Очень хорошо дѣйствовалъ онъ на царевича, и послѣдній любилъ и уважалъ его, и слушался его во всемъ.

... Зотовъ ведетъ его къ картинкѣ и начинаетъ разсказывать про былое на Руси...

Были въ Москвѣ искусные художники, и прозналъ про нихъ Зотовъ. Доложилъ царичѣ; призывали художниковъ во дворецъ и поручили имъ составить такіе листы съ картинками, чтобы на нихъ были изображены города, деревни, церкви, корабли, войны, а подъ картинками написаны были толковыя объясненія.

Разъ Зотовъ послѣ ученія повелѣ царевича въ его покои,—царевичъ такъ и ахнулъ.

Повсюду по стѣнамъ были развѣшаны искусно намалеванныя картинки. Мальчикъ бросился къ нимъ.

— Это что? что это?.. А это что, Моисейчъ?—кричалъ онъ, перебѣгая отъ одной картинки къ другой.

Съ той поры они такъ и занимались. Учитъ царевича Зотовъ по книгѣ читать, или Апостолъ наизусть учать,—устанетъ царевичъ, станетъ вялымъ, — Зотовъ и ведетъ его къ картинкѣ и начинаетъ ему рассказывать про бывшее на Руси, про походы царей, про битвы славныя, какъ нужду-горе людское они изводили, народу жить помогали.

Загорится весь мальчикъ огнемъ, — устали какъ не бывало, не узнаешь его. Вопьется глазами въ Зотова, за руки его схватить.

— А я, — спрашиваетъ, — я-то — такой же буду? А? Моисейчъ, такой же я буду?

— Такой же, государь!.. Одарилъ тебя Господь разумомъ не по лѣтамъ, силою духовною и великой, любовью къ ученію и людямъ, да простотой, что мною, холопомъ твоимъ вѣрнымъ, не гнушаешься, милостями своими не оставляешь. И Господь тебя не оставитъ, пошлетъ силу тебѣ многія тяготы одолѣть, краснымъ солнышкомъ засвѣтитъ на отраду и утѣшеніе народу православному.

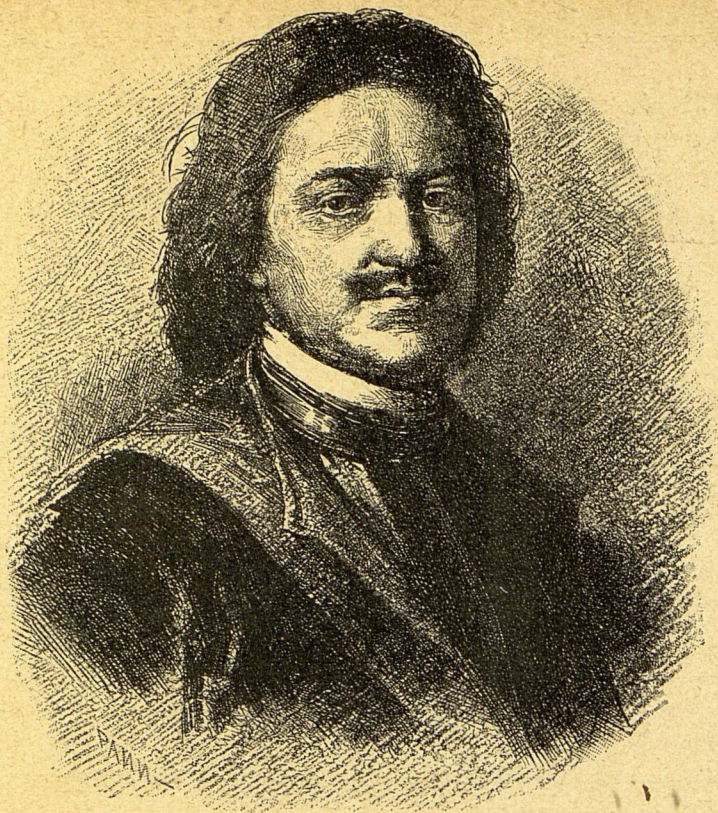
И хотѣлъ Зотовъ поклониться ему въ ноги, — но царевичъ бросился къ нему, обнялъ его и весь прижался къ нему...

— Буду я, буду, буду такой, — шепчетъ въ волненіи, а румянецъ на лицѣ его такъ и горитъ яснымъ заревомъ.

И глубоко запали царевичу эти нехитрыя, но добрыя слова старика-дьяка; доброе зерно заложилъ онъ въ воспріимчивую душу талантливаго ребенка, — которому этотъ простой, неопытный учитель, чисто русская душа, радѣвшая о благѣ народномъ, — первый открылъ глаза, первый вдохнулъ жажду знанія, въ которомъ — вся жизнь и счастье человѣка.

А. Измайловъ.

Петръ I.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО *).

2) Ночной объѣздъ.

Часто царь Петръ Великій разъѣзжалъ по московскимъ улицамъ ночью; запрягутъ ему простыя сани-розвальни, сядетъ онъ въ нихъ съ денщикомъ и поѣдетъ. Ѣздитъ, смотритъ,—стоитъ ли стража на часахъ, все ли тихо въ городѣ, нѣтъ ли ссоръ, дракъ. Гдѣ что увидитъ такое,—усмиряетъ и миритъ

---

*) См. „Свѣтлячокъ“ № 9-й.

поссорившихся. Вотъ разъ ѣдетъ онъ черезъ Воскресенскія ворота въ Кремль,—слышитъ шумъ, крики.

Оказывается, — большая карета, запряженная шестью лошадьми, наѣхала на чьи-то сани и опрокинула ихъ. Кучеръ и форрейторъ разсердились и стали бить ѣхавшаго въ саняхъ человѣка кнутомъ, словно тотъ былъ виноватъ.

Какъ разъ въ это время Петръ подѣзжаетъ въ своихъ розвальняхъ.

— Эй!—кричитъ,—что тутъ такое?..

— А ты чего тамъ орешь?—крикнули на него кучеръ и форрейторъ.—Кто тамъ въ розвальняхъ?

— Я это въ своемъ коробѣ!—зычно крикнулъ Петръ...

И съ денщикомъ выскочилъ онъ изъ саней, помогъ упавшему стать на ноги, поднялъ ему опрокинутыя сани и усадилъ его.

— А это чей рыдванъ?—спросилъ Петръ.

Кучеръ, было, началъ кричать, но денщикъ только шепнулъ:

— Да это самъ батюшка-царь Петръ Алексѣичъ!.

Сразу стихли всѣ, перепугались, не знаютъ, куда имъ и дѣваться. А денщикъ разузналъ все и сообщилъ царю такъ:

— Въ розвальняхъ ѣхалъ соборный дьяконъ; а кучеръ озорничества ради и опрокинулъ его, да еще кнутомъ ударилъ... А рыдванъ этотъ — боярыни N...

На утро царь послалъ денщика къ боярину N съ выговоромъ, кучера и форрейтора велѣлъ наказать, а соборному дьякону за обиду заплатить 50 рублей.

3) Царь у новорожденного матроса.

Бѣхалъ какъ-то царь Петръ на обѣдъ званый къ князю Меншикову. Гости собрались въ назначенный часъ, а царя все нѣтъ и нѣтъ.

А царь съ работъ ѣхалъ мимо маленькаго домика и ви-

дить вдругъ, что какой-то матросъ сталъ на колѣни на дорогѣ и кланяется ему.

Остановилъ государь лошадь.

— Что тебѣ надо?—спрашиваетъ.

— Ваше величество! Даровалъ Господь мнѣ сына, а тебѣ матроса!.. Не откажи, зайди ко мнѣ, посмотри его...—говорить матросъ.

— Ну, ладно!.. Далеко живешь?..

— Да вотъ здѣсь, ваше величество, близехонько...

Царь вошелъ въ маленькій домикъ; тамъ молодая мать поднесла ему на деревянной тарелкѣ чарку вина, — царь поздравилъ ее съ сыномъ, выпилъ вино и подарилъ два рубля...

Столъ уже былъ накрытъ; угощеніе было нехитрое,—всего пирога съ морковью да яйцами. Но Петръ не побрезговалъ угощеніемъ, отломилъ кусокъ пирога и отвѣдалъ его. Потомъ хозяинъ подаль щи на столъ.

— Ваше величество, — сказалъ онъ, кланяясь, — откушай теперь и щей матросскихъ.

— Добре!—сказалъ царь и принялся за ѣду.

Потомъ Петръ выпилъ стаканъ пива, пожелалъ хозяевамъ добраго здоровья, сѣлъ въ одноколку и поѣхалъ къ Меншикову.

Гости его три часа уже ждали,—онъ вошелъ и извиняется:

— Извините, господа, что долго дожидаться заставилъ... Да дѣло такое вышло,—Богъ мнѣ новаго матроса даровалъ, я и не могъ отказать его отцу,—заѣхалъ да и закусилъ у него пирогомъ и щамъ...

Государь вообще любилъ простыхъ людей и часто запросто бывалъ у нихъ въ гостяхъ.

Хорошо ли таѣъ?

Рѣпа-богатырша.

(По народнымъ прибауткамъ.)

Вотъ хоть вѣрь, хоть не вѣрь,—правду сущую молвлю теперь, да при всемъ при честномъ народѣ, — какъ у насъ на огородѣ жила-была рѣпа важная,—дивилась на нее старуха каждая. Однимъ днемъ не обойдешь кругомъ. Вотъ такъ рѣпа! Дѣдка Елизалъ самъ и грядку копалъ, самъ и рѣпу сажалъ да приговаривалъ:

— Уродись, рѣпка, съ кулачокъ, и на томъ спасибо!..

А рѣпа у насъ вонъ какая выросла, просто страхъ,—разнесло ее словно на дрожжахъ!..

Не рѣпа,—а рѣпища, рѣпа-богатырша...

Пришла тетка Ненила, даже слезу уронила:

— Въ чемъ мы ее парить-то станемъ?..
Господи!.. Ни котла, ни чугуна, никакой посудыны не сыщешь... Посадить бы въ кадушку,—и то не уйдетъ съ макушкой...

 А рѣпа слышитъ,—да пуще пыжится. Ботва на ней, что кудри вьются,—а сама она желтая, чисто изъ золота вылита...

— Я-ль не кругла, я-ль не пригожа?..—Ишь я крѣпкая какая, не уколыпнешь... А въ ротъ положишь,—и языкъ проглотишь... Сладка, сочна,—ѣшь да облизывайся...

На всякъ ротокъ не накинешь платокъ. Что ни день, пуще хвастаетъ Рѣпа.

И прослышалъ Медъ-Медовичъ, въ ульѣ сидючи, слюни распускаючи, что хвастаетъ Рѣпа, да его милость негожими рѣчами тревожить.

— Это что,—говорить,—за штуки такія?..

А Рѣпа плечомъ поводитъ, изъ грядки плечи выставляетъ, во весь ротъ хохочетъ,—знать ничего не хочетъ,—только кудерьками зелеными потряхиваетъ.

Рѣпы ему не дали,—
такъ онъ и плачетъ.

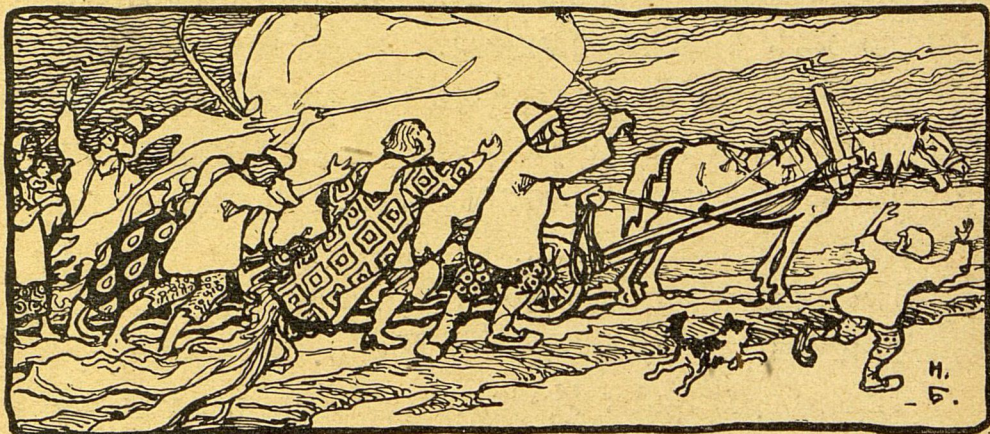
— Хороша я, Рѣпа, вкусна я, Рѣпа,—а нѣтъ того яствица вкуснѣй, какъ рѣпа съ Медомъ-Медовичемъ!.. Вотъ хорошо-то,—любо!..

Разсердился Медъ, распалился сударь Медовичъ,—въ пору всѣ соты переломать, да въ драку съ Рѣпой бѣжать.

— Ахъ, ты, хвастунья...—вопить,—эхъ, ты, Рѣпа, — говоришь не лѣпо. Да я, Медъ-то, и безъ тебя хорошъ!..

Да развѣ ихъ разберешь?!

Мы ту рѣпу три дня рыли, руки обломили, всей семьей половину рѣпы цѣлую недѣлю послѣ того ѣли; а другую половину—другую недѣлю. Корку на телѣгу положили,—лошадь надсадили и телѣгу обломили.

Ужъ было жъ намъ маяты-работы съ этой рѣпой-богатыршей... Мученье чистое!..

А. Федоровъ-Давыдовъ.